

152

3936

v

952

КЪ ВОПРОСУ

О КОНКУРСНОМЪ ПРОЦЕССѢ

(РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Г-на ГОЛЬМСТЕНА
ПО ПОРУЧЕНІЮ ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА)

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

г. Л. Дювернуа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. М. Вольфа, Фонтанка 92, уг. Гороховой.

1892.

2-752

160 + 5 ✓

~~111~~
3732

КЪ ВОПРОСУ

ПРОВЕРЕНО

О КОНКУРСНОМЪ ПРОЦЕССѢ

(РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Г-НА ГОЛЬМСТЕНА
ПО ПОРУЧЕНІЮ ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА)

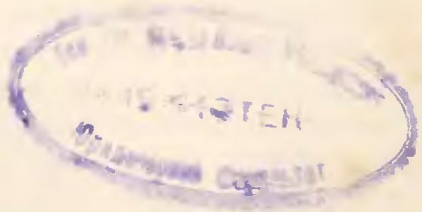
ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

Н. Л. Дювернуа.

3936 к. гр. нр

СЛОВА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. М. Вольфа, Фонтанка 92, уг. Гороховой.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта С.-Петербургскаго Университета.

СПбГУ

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г-НА ГОЛЬМСТЕНА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКАГО КОНКУРСНАГО ПРОЦЕССА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1888 ГОДА“.

Согласно возложенному на меня постановленіемъ юридическаго факультета отъ 8 октября истекшаго 90 года порученію написать рецензію на представленное для удостоенія степени доктора гражданскаго права сочиненіе г. Гольмстена „Историческій очеркъ русскаго конкурснаго процесса. С.-Петербургъ. 1888 годъ“, имѣю честь доложить нижеслѣдующее:

Названное сочиненіе, коему предпослано самое короткое оглавленіе (1 стр.) и три страницы предисловія (I—IV), раздѣлено авторомъ на три весьма неравные отдѣла: 1) конкурсный процессъ до XVIII вѣка—5 стр. (1—5), 2) конкурсный процессъ XVIII вѣка (стр. 6—213), 3) конкурсный процессъ XIX вѣка (214—292). Такимъ образомъ изъ 292 стр. изслѣдованія 207 посвящены *конкурсному процессу XVIII вѣка*; на предшествующую исторію и текущее столѣтіе остается всего 85 стр. Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ *задался мыслью написать исторію нашего конкурснаго процесса*, и въ виду скудости законодательнаго матеріала, изъ коего нельзя было *создать ничто цѣлое*, обратился къ разработкѣ архива, въ которомъ нашелъ матеріалы для *исторіи кодификаціи нашего конкурснаго процесса за вторую половину XVIII вѣка*. Однако, *ограничиться одною исторіею кодификаціи, начиная съ 1740 г.*, авторъ *не хотѣлъ* и даль, какъ онъ полагаетъ, все же *болѣе или менѣе цѣльную картину нашего конкурснаго процесса*.

Для выполненія этой задачи, т. е. для изображенія нашего конкурснаго процесса въ болѣе или менѣе цѣльномъ

видѣ, авторъ даетъ намъ на пяти страницахъ очеркъ конкурснаго процесса за предшествующіе XVIII-му столѣтію пять вѣковъ, съ начала XIII вѣка до 1740 года, пять страницъ изслѣдованія, на коихъ сперва устанавливаетъ признаки понятія конкурса, опредѣляя *существо этого процесса разрѣшеніемъ конкуренціи правъ нѣсколькихъ кредиторовъ, вызванной недостаточностью имущества должника* (стр. 1), а затѣмъ разбираетъ ст. 69 „Русской Правды“ по Карамзинскому списку и 210 (sic) статью главы X Уложенія царя Алексѣя Михайловича, причемъ въ статьѣ 11 договора Смоленска съ Ригою и 104 Псковской судной грамоты авторъ отказывается видѣть подлинное явленіе конкурснаго процесса, такъ какъ въ нихъ нѣтъ указанныхъ выше признаковъ, опредѣляющихъ, по мнѣнію автора, существо конкурса. Въ 69 ст. „Русской Правды“ авторъ видитъ общепризнанный смыслъ предпочтительнаго удовлетворенія при конкурсѣ кредиторовъ кредитора гостя и исключеніе изъ равномернаго удовлетворенія остающимися ресурсами кредиторовъ-ростовщиковъ и останавливается на одномъ сомнѣніи о способѣ удовлетворенія долга князю. Въ ст. 210 Уложенія, которая, какъ увидимъ, вовсе этого вопроса не касается, авторъ находитъ повтореніе статьи 69 „Русской Правды“.

Вотъ все, что даетъ намъ авторъ, чтобъ устранить встревожившую его самую мысль, что тутъ не исторія конкурснаго процесса, а только *исторія кодификаціи его въ XVIII вѣкѣ*.

Отдѣлъ II, посвященный XVIII-му вѣку, не прямо начинается кодификаціей конкурснаго процесса. Впереди, стр. 6—21, идутъ нѣкоторыя общія замѣчанія, расположенныя въ 2-хъ главахъ, и небольшое предисловіе. Все это очень коротко. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что конкурсное право текло въ эту пору 3-мя *струями*, иностранною *струей*, національною и канцелярско-кодификаціонною, и только въ этой послѣдней *струй* у насъ *матерьялъ обильный*, а въ двухъ остальныхъ онъ продолжаетъ быть скуднымъ. Я совершенно отказываюсь установить смыслъ этого понятія (струя) и этихъ противоположеній 3-хъ струй, національной, иностранной и канцелярско-кодификаціонной, для права, но куда задачу мою составляетъ только описаніе работы. Въ главѣ I мы

имѣемъ указаніе, не скажемъ—разборъ, нѣсколькихъ конкурсныхъ процессовъ, преимущественно изъ временъ царствованія Екатерины II. Эти немногія замѣчанія въ гл. I предназначены, вѣроятно, для ознакомленія съ *иностранной струей* въ конкурсѣ XVIII вѣка. Гл. II имѣетъ, конечно, цѣлью, ознакомить съ *національною струей* въ конкурсномъ процессѣ XVIII вѣка. Но тутъ вовсе не оказывается тѣхъ признаковъ которыми, по мнѣнію г. Гольмстена, должно опредѣляться существо конкурснаго процесса. Несостоятельный отработываетъ свой долгъ въ старой Россіи (такъ думаютъ разные ученые: Кавелинъ, Будановъ, Загоровскій, Дмитріевъ), и г. Гольмстенъ, не изслѣдуя самъ вопроса для предшествующей эпохи, спрашиваетъ, что-же было, когда у несостоятельнаго было нѣсколько кредиторовъ, т. е. при конкуренціи правъ? И вотъ отвѣтъ: „Свѣдѣнія объ этомъ мы имѣемъ лишь изъ XVIII вѣка,—практиковалось, вѣроятно, второе (изъ двухъ вышепринятыхъ авторомъ) осложненіе“, стало быть, въ случаѣ необходимости отработывать нѣсколькимъ кредиторамъ, должникъ поступалъ къ одному, и тотъ расплачивался съ остальными (стр. 17). Если такого *оплатчика* не находилось, то должникъ шель въ солдаты или въ Сибирь. Въ случаяхъ оплаты или службы за другихъ г. Гольмстенъ видитъ только *суррогаты* конкурснаго процесса. Почему это только суррогаты конкурснаго процесса, а не конкурсъ, хотя существо конкурса опредѣлено указаннымъ выше признакомъ (стр. 1), на это отвѣта здѣсь не дано. Насколько исчерпаны г. Гольмстеномъ обѣ указанные *струи*, иностранная и національная, въ этихъ двухъ главахъ, справедливо ли, что для осложненія обязанности отработки наличностью нѣсколькихъ кредиторовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ XVIII вѣка,—объ этомъ мы скажемъ позже.

Теперь перейдемъ къ главѣ III этого 2-го отдѣла, стр. 22 до 213, гдѣ по выраженію автора проходитъ *струя канцелярско-кодификаціонная*. Въ ней, и по размѣрамъ, и по содержанію, несомнѣнно вся суть работы г. Гольмстена, хотя авторъ рѣшительно этого не хочетъ, и прямо выражаетъ это свое нежеланіе въ предисловіи. Мы сомнѣваемся, чтобы нашелся у г. Гольмстена хотя одинъ читатель, который под-

чинился бы его желанію видѣть въ его работѣ *исторію русскаго конкурснаго процесса*, а не розыскъ матерьяла къ вопросу въ петербургскихъ канцеляріяхъ.

Глава III озаглавлена такъ: кодификація конкурснаго процесса въ XVIII вѣкѣ. Наименованіе данное г. Гольмстенемъ этой обширной главѣ въ 200 страницъ, струя канцелярско-кодификаціонная, удачное, хотя еще удачнѣе было бы названіе канцелярская разработка устава о несостоятельности со временъ Анны Ивановны. Г. Гольмстенъ называетъ это *кодификаціей* конкурснаго процесса. Понятіе кодификаціи въ книгѣ не дано. Обыкновенно въ юриспруденціи составленіе закона по предмету, по коему такового до того не было, не называется кодификаціей. Совершенно также неправильно противопологать струѣ иностранной въ XVIII вѣкѣ струю канцелярско-кодификаціонную. И мы дѣйствительно не находимъ въ указахъ, съ коихъ начинается г. Гольмстенъ свое изложеніе главы III, ни слова о кодификаціи конкурсныхъ законовъ, а имѣемъ распоряженіе, за отсутствіемъ російскихъ особливыхъ уставовъ, составить таковой, собравъ *изъ разныхъ государствъ* права купеческія. Это вовсе не называютъ кодификаціей.

Эту работу различныхъ канцелярій, которую вели здѣсь въ теченіи всего прошлаго вѣка, г. Гольмстенъ и избралъ собственно предметомъ своего изслѣдованія, и рефератъ объ этой работѣ или объ этихъ работахъ мы и имѣемъ въ разсматриваемой III главѣ 2 раздѣла, составляющей всю суть его книги, двѣ трети ея содержанія.

Мы найдемъ случай дальше опредѣлить значеніе и достоинства работы и познаній г. Гольмстена въ предшествующей и послѣдующей эпохахъ, а здѣсь скажемъ сперва о самой темѣ.

Въ теченіи всего почти вѣка идетъ у насъ эта обработка чужихъ уставовъ для приложенія къ нашей практикѣ, и въ результатѣ въ теченіи всего XVIII вѣка мы не получаемъ для практики ровно ничего. Кодификаціонная, какъ ее ошибочно называетъ г. Гольмстенъ, струя въ обработкѣ конкурснаго устава начинается и кончается канцеляріей. Писались или не писались эти проекты — для историческаго развитія конкурснаго процесса въ XVIII вѣкѣ — дѣло вполне безразличное. До изданія

банкротскаго устава 1800 года ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ примѣняемъ ни въ какихъ судахъ въ Россіи, не былъ извѣстенъ никому, кромѣ тѣснаго круга сочинителей этихъ проектовъ. И этимъ процессомъ канцелярской такъ сказать проволоочки наполнена самая большая доля разбираемой книги.

Въ тѣхъ цѣляхъ, конечно, чтобъ опредѣлить для читателя суть своей работы, г. Гольмстенъ выражается такъ: *мы стоимъ на строго юридической почвѣ* (что это значитъ, когда рѣчь не о правѣ, а о переводахъ и экстрактахъ съ неизвѣстныхъ подлинниковъ — это остается неразъясненнымъ). Затѣмъ авторъ „*конструируетъ конкурсный процессъ какъ юридическій институтъ, оперируя цѣлыми группами юридическихъ нормъ*“ (стр. III). Такъ выражается авторъ о своей задачѣ, а самое дѣло, т. е. выполнение задачи говорить о себѣ какъ будто совсѣмъ иное. Чтобъ правильнымъ образомъ наименовать работу, надо сказать о ней слѣдующее. Безъ всякихъ признаковъ изученія очень сложной въ ту пору практики долговаго права, авторъ передаетъ въ сжатомъ видѣ одинъ за другимъ нѣсколько проектированныхъ и два введенныхъ, *но уже въ XIX в.*, въ дѣйствіе конкурсныхъ устава, не обособляя вовсе права конкурснаго отъ процесса, задачъ конкурснаго производства по отношенію къ кредиторамъ и цѣлей и средствъ правосудія уголовнаго, извлекая сплошь, какъ онъ напелъ въ канцелярскихъ бумагахъ или въ печати содержимое даннаго проекта или даннаго устава. Это не значитъ *конструировать* или *оперировать*, а просто-напросто экстрагировать. Что же тутъ конструировать, когда конструкція уже сдѣлана и въ свое время оставлена безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, надъ чѣмъ оперировать, когда это не живыя юридическія положенія, а никогда не издавшіе свѣта божьяго планы? Все, что при столь неудачномъ выборѣ доминирующей задачи изысканія и при доступномъ автору методѣ возможно сдѣлать — это *экспертировать* и *реферировать* одинъ за другимъ эти проекты, безъ мотивовъ, безъ авторовъ (достоверно извѣстныхъ), безъ источниковъ, сколь нибудь достаточно обследованныхъ, и повременамъ перебивать этотъ однообразный рефератъ болѣе или менѣе удачными восклица-

ніями. Отъ 23 до 69 стр. идетъ такое именно экскерпированье устава о банкротствѣхъ 1740 года.

Г. Гольмстенъ рассказываетъ сначала хорошо извѣстную исторію борьбы кабинета съ Сенатомъ, но къ сожалѣнію, для освѣщенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ проектовъ и законовъ кабинета и самихъ прожектёровъ останавливается на томъ пунктѣ, съ котораго собственно можно было бы начать. 15-го декабря 40 г. законченъ проектъ, а черезъ 11 мѣсяцевъ произошелъ переворотъ, жертвой котораго сдѣлались не только люди, стоявшіе до того во главѣ дѣлъ и съ ними вмѣстѣ самъ Менгденъ, одинъ изъ авторовъ проекта, но и цѣлые реестры указовъ прошлыхъ царствованій, кои „пользѣ государственной противны“ (ср. П. Собр. Зак. №№ 8475, 8480 и друг. изъ первыхъ годовъ царствованія Елизаветы). На 24 стр., гдѣ все подъ текстомъ идутъ ссылки на открытія г. Гольмстеномъ бумаги Таможеннаго Департамента, читаемъ: указъ этотъ (15 декабря 40 г.), а равно и уставъ, какъ оказывается, *никогда* (NB) *не былъ ни отпечатанъ, ни обнародованъ*. Читатель, которому *ни разу* не дано ссылки на № 8300 П. С. З., вправѣ заключить, что уже отсюда начинается заслуга нашего автора въ открытіи и публикаціи никому дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ по историческому развитію конкурснаго права. Въ этомъ заблужденіи читатель остается до стр. 59, гдѣ оказывается *въ никогда не отпечатанномъ* уставѣ есть *типографская* ошибка... Ну, значить, онъ былъ отпечатанъ, и заявленіе на стр. 24 должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что уставъ *въ свое время* не былъ отпечатанъ, какъ дѣйствующій законъ. Стало быть, не уставъ 40 г. открытъ г. Гольмстеномъ, а только сохранившійся рукописный текстъ и *типографская* ошибка, которую авторъ получилъ изъ сравненія печатнаго текста подъ непоказаннымъ имъ № 8300 П. С. З. и „копія“ устава хранящейся въ Архивѣ Департамента Таможенныхъ Сборовъ, гдѣ запятой въ сличаемомъ текстѣ нѣтъ.

Что же это, однако, за памятникъ? Независимо отъ того, что его судьба сама говоритъ о его значеніи для исторіи конкурснаго процесса, что думаетъ о немъ авторъ? А вотъ что: *въ уставѣ весьма существенный пробѣлъ: нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, какія именно мѣстныя* (NB) *учреж-*

денія выдали конкурсныя дѣла (стр. 42). Въ другомъ мѣстѣ: уставъ предполагаетъ у насъ такія черты общественнаго строя и нравовъ, какихъ, очевидно, не было (стр. 27). Тогда что же привлекло къ этому документу, никогда не имѣвшему и какъ оказывается не способному имѣть практическаго значенія, такое вниманіе въ очеркѣ исторіи развитія русскаго конкурснаго процесса, что онъ не просто отсылаетъ читателя для подтвержденія этихъ мыслей къ тексту № 8300 П. С. З., а растягиваетъ всѣмъ доступный десятокъ страницъ этого текста на цѣлыхъ 46 страницъ своей работы? На что нужна эта повѣрка малоцѣннаго документа съ подлинникомъ? Неужели, чтобы сдѣлать поправку запятой на тире „въ очень туманной“ ст. 4 Регл., которая отъ этого едва ли стала яснѣе?.. Неужели только *впрямую*, что бар. Менігенъ пользовался иностранными уставами, а не вполнѣ достовѣрно, что уставъ есть плохая передача крайне дурнымъ русскимъ языкомъ иностраннаго текста, что знаемъ и видимъ не только мы, но видѣли и знали столь же хорошо и современники его образованія, ибо не только не дали хода уставу, но и самихъ прожекторовъ устранили изъ службы *съ мнѣніемъ права на пенсію*?.. Чтожъ извлекаетъ нашъ авторъ для историческаго развитія конкурснаго права изъ этого факта? Быть можетъ онъ умѣетъ намъ показать по крайней мѣрѣ—откуда шло заимствованіе? Нѣтъ, мы не находимъ и этого изысканія, и въ этомъ отношеніи 150 лѣтъ назадъ наши юристы знали больше насъ.

Вотъ все, что я имѣю сказать по поводу старѣйшаго устава—1740 г. Передо мной печатный уставъ подъ № 8300 П. С. З. и поправка по рукописи, вмѣсто запятой поставлено тире. Изложеніе этого устава по тѣмъ же рубрикамъ какъ и другихъ. Оно не только полно, но полнѣе много тѣхъ двухъ послѣдующихъ уставовъ, которые сами значительно обширнѣе этого устава и которые были въ примѣненіи на практикѣ, тогда какъ этотъ уставъ никогда у насъ не примѣнялся. Какого либо научнаго интереса въ этой передачѣ всѣмъ доступнаго текста я пока не вижу вовсе.

Въ 1753 году уставъ 40 года передѣлывался. Какъ онъ передѣлывался—этого изъ П. С. З. не видно, ибо въ томъ же

году передѣланный уставъ былъ поднесенъ Императрицѣ и остался не конфирмованнымъ (стр. 81). Почему, для какого примѣненія передѣлывали уставъ—мы не знаемъ. По всей вѣроятности этого не видно изъ бумагъ Таможеннаго Архива. Мы, рецензенту, эти бумаги не доступны, и говоря строго я не могу принять на себя оцѣнку этой части работы, начиная съ устава 53 года до банкротскаго устава 1800 г., хотя она составляетъ до 140 стр. текста, такъ какъ подлинниковъ не видѣлъ.

Отъ 53 до 62 года составленіе банкротскаго устава не преуспѣваетъ, а съ осени 1762 года Сенать начинаетъ обнаруживать лихорадочную торопливость въ дѣлѣ сочиненія банкротскаго устава. Посылаютъ указъ Коммерцъ-коллегіи. Коллегія будто бы засѣдаетъ, а между тѣмъ засѣданій не происходитъ. Г. Гольмстенъ доказываетъ, что журналы и засѣданія были чисто фиктивными (стр. 85) и въ ихъ результатъ получился грандіозный подлогъ. Дѣло происходило-де такъ: коллегія поручила секретарю, Якову Хозяинову, сочинить уставъ, а онъ, служа когда-то въ Коммисіи о Коммерціи, добылъ, неизвѣстно какими путями, „Проектъ“, поднесъ его членамъ коллегіи, они его выслушали и апробовали. Если вся эта странная исторія подложныхъ засѣданій, проектовъ, гоньбы курьеровъ изъ Москвы въ Петербургъ и совершенно справедлива, то это все характерно для канцелярскихъ порядковъ прошлаго вѣка и ничего не прибавляетъ къ исторіи конкурснаго процесса въ Россіи.

Въ заключеніе разсказа объ этихъ событіяхъ г. Гольмстенъ говоритъ: журналъ былъ подписанъ 3-го января 63 г., 8-го было подписано доношеніе, а къ этому дню и курьеръ подошлѣлъ; въ тотъ же день ему вручили уже не изготовленное доношеніе, а вновь составленный рапортъ съ уставомъ, вмѣстѣ съ экстрактомъ и резонами... И все это съ указаніями на страницы подлиннаго дѣла! Но затѣмъ? Дальнѣйшая судьба устава неизвѣстна (стр. 88)... Въ результатъ получается два экземпляра изготовленныхъ въ Коммерцъ коллегіи и нынѣ находящихся въ архивѣ Таможеннаго Департамента, въ одномъ—уставъ изложенъ въ формѣ закона безъ мотивовъ, но съ изображеніемъ предшествующаго состоянія законодательства (NB,

просимъ читателя остано­вить на этомъ вниманіе), второй же экземпляръ есть „Росписной банкротскій уставъ“, это вѣроятно тотъ экземпляръ, который былъ врученъ сенатскому курьеру при рапортѣ 8 января (стр. 89)...

Съ 90 страницы идетъ, и на долго, изложеніе „Росписнаго“ устава, до стр. 177, всего стало быть на 87 страницъ. Это вся середина книги г. Гольмстена. „Росписнаго“ устава мы вовсе не видѣли нигдѣ напечатаннымъ, и г. Гольмстенъ намъ его описываетъ. Онъ раздѣленъ на три графы, въ 1-й идетъ уставъ 53 года, во 2-й уставъ 63 г., а въ 3-й объяснены мотивы (замѣны?). Г. Гольмстенъ утверждаетъ, что послѣдніе составлены крайне небрежно, и самъ излагаетъ намъ не то, что даетъ росписной уставъ, и не такъ, какъ это сдѣлано тамъ, не текстуально, а своими словами. Въ чемъ же разница? Существенная, во 1-хъ, въ слѣдующемъ. Уставъ 53 г. есть исправленный уставъ 40 г. Въ проектѣ это 1-я графа, въ II. С. З. это 10 стр. текста. 2-я графа есть уставъ 63 г. Какъ удобно обозрѣвать сходства и различія обоихъ проектовъ при этомъ способѣ начертанія статей — это ясно само собой, и мы объ этомъ скажемъ еще въ заключеніи.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, у автора, указанія на работы нашихъ канцелярій, хотя и не перешедшія въ практику, но по крайней мѣрѣ, настолько удобно выполненныя, что въ подлинникѣ, повидимому, очень легко разобрать­ся, чего совсѣмъ нельзя сдѣлать съ книгой г. Гольмстена, которая не даетъ сопоставленія текстовъ, не вырабатываетъ указателей, ниже подробнаго оглавленія, возлагая все это, вѣроятно, на читателя. Сверхъ того, эта канцелярско-кодификаціонная струя, изъ которой одной, повидимому, черпаетъ г. Гольмстенъ покуда главное содержаніе своей диссертациі, обогатилась для того времени знакомствомъ составителей съ иностранной струей, какъ выражается напѣ авторъ, ибо составители несомнѣнно знали хорошо, притомъ не одинъ, а многіе иностранные конкурсные уставы того времени. Что же касается нынѣшняго изслѣдователя „Росписнаго устава“, то онъ едва ли знаетъ тогдашніе уставы, ибо иначе онъ не оставилъ бы совершенно безъ отвѣта вопросы, откуда взять подлинникъ, какъ переработанъ и проч., на что сплошь (кромѣ ссылки на 8-й § Амст.

уст., указан. въ нашихъ законахъ) ниже намека въ исторіи развитія русскаго конкурснаго процесса. Дѣло, впрочемъ, совѣмъ пока и не любопытное для историческаго развитія именно конкурснаго права, ибо и на этотъ разъ канцелярско-кодификаціонная струя осталась все въ томъ же архивѣ. На стр. 177 читаемъ: таково содержаніе устава 63 г. „Внесенный“ въ Сенатъ 8 января 63 г. на апробацію, онъ, однако, утверждень Императрицею не былъ.

Въ 64 г. Императрица опять повелѣла составить проектъ, и на этотъ разъ извѣстенъ кругъ лицъ, который долженъ былъ принимать участіе въ дѣлѣ. Обо всемъ этомъ г. Гольмстенъ даетъ намъ весьма подробный рефератъ (стр. 177—185). Затѣмъ, опять поочереды, идутъ раздѣлы и статьи этого 4-го проекта съ непрерывными *ibidem*, которыми наполнена какъ есть вся книга. Оказывается, что и этотъ уставъ 68 года есть не что иное, какъ уставъ 63 г. съ нѣкоторыми прибавленіями... Система его почти та же, что въ Проектѣ (стр. 185). На что же опять 30 стр. текста, когда можно было бы все это, начиная съ устава 40 года, изобразить графически и сдѣлать движеніе канцелярской работы хотя сколько нибудь обозрительнымъ для того кто этого рода работами интересоваться можетъ? Г. Гольмстенъ оперируетъ такъ, какъ будто мы знаемъ еще только однѣ операнціи сложенія, а до умноженія не дошли. Въмѣсто того, чтобы 4 раза переписывать одно и тоже и говорить $1 + 1 + 1 + 1 = 4$, вѣдь можно было бы тоже выразить короче, прямо помноживъ 1 на 4, 1×4 ... Тогда и получится, что такая-то статья повторена четыре, другая два раза и проч. Быть можетъ въ такомъ случаѣ не вышло бы книги? Объ этомъ не станемъ спорить... Результатъ и отъ этого 4-го проекта такой же. Что случилось съ нимъ — неизвѣстно. Читала ли его Императрица или нѣтъ — не знаемъ, но утверждень онъ ею не былъ!

Итакъ, XVIII вѣкъ работалъ 28 лѣтъ на слѣдующій вѣкъ, какъ образно заключаетъ г. Гольмстенъ. Лишь въ 800 г. появился Банкротскій уставъ, который есть *нѣсколько переработанный уставъ 68-го года*.

Но на кого, спрашивается, мы работаемъ, переписывая

теперь уже 3-ю сотню страниц все немного переработанных проектов, начиная съ 1740 года?

Вотъ собственно отсюда, съ устава 1800 г., г. Гольмстенъ можетъ начать въ точномъ смыслѣ *оперировать цѣлыми группами юридическихъ нормъ*, ибо тутъ дѣйствительно рѣчь уже пойдетъ о *юридическихъ нормахъ*, проще—о законѣ, до тѣхъ поръ, т. е. на пространствѣ $\frac{2}{3}$ всей книги, мы не имѣли ни одной юридической нормы и оперировать съ ними не могли. Если смѣшать эти двѣ вещи, канцелярскіе проекты, никогда и на глаза не попадавшіе органамъ законодательной власти, и законъ, то изъ этого Богъ знаетъ что можетъ получиться... Весьма прискорбно не найти этого различенія въ юридическомъ трактатѣ... Но только съ этихъ поръ, повторяемъ, можетъ быть рѣчь о конкурсномъ *правѣ*.

Этой сторонѣ дѣла посвящены остающіяся 75 стр. изслѣдованія (216—292).

Здѣсь на стр. 217 до 248 читаемъ въ экстрактѣ напечатанный въ Пол. Собр. Зак. Банкротскій уставъ 1800 г. Цѣлая масса вопросовъ, которые породилъ этотъ уставъ въ практикѣ, остается вовсе не тронутой у автора, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ нельзя не утомиться бесполезной и неудобной работой, выполненной до того, и начать дѣйствительно оперировать юридическими нормами тамъ, гдѣ есть на лицо все потребное для этихъ операцій. Собственно изложить уставъ 800 г. не хитро, но было бы заслугой разобрать, что вышло на практикѣ изъ этого устава. Въ самомъ ли дѣлѣ тутъ остановилась дѣятельность переработки, рецепціи чужаго, изученія своего, собранія законодательнаго и судебного матерьяла, или она и послѣ этого устава продолжалось съ прежнимъ напряженіемъ?

Вотъ на это мы вправѣ ждать отвѣта въ главѣ 2-й, слѣдующей за экстрактомъ изъ устава 800 г., но эта глава 2-я, единственная, въ которой можно было ожидать умѣлой критики закона, *получившаго примѣненіе* въ жизни, такъ коротка (10 стр. 248—258) и по содержанію незначительна, что мы уходимъ можно сказать ни съ чѣмъ изъ ея прочтенія.. Между тѣмъ тутъ возникла цѣлая масса вопросовъ и задачъ чисто практическихъ. Во-1-хъ—какъ относится уставъ 800 г. къ

предшествующимъ законамъ? Во-2-хъ, способенъ ли онъ быть введенъ въ жизнь? Въ 3-хъ, какія нужны улучшения? Потребность въ измѣненіяхъ и улучшенияхъ почувствовалась крайне скоро, и весь оставшійся г. Гольмстену неизвѣстнымъ матерьяль П. С. З. и Архива Государственнаго Совѣта изд. въ 74 г. свидѣтельствуесть о массѣ неудобствъ, встрѣченныхъ при примѣненіи устава 800 г. Этими и условливалась непродолжительность его дѣйствія и замѣна уставомъ 32-го года, который г. Гольмстенъ вовсе не обработалъ, а крайне бѣгло обозрѣлъ на послѣднихъ страницахъ своего сочиненія.

* * *

Я позволяю себѣ перейти къ *оцѣнкѣ* описанной мною работы для науки русскаго гражданскаго права.

Итакъ, мы изобразили то, что г. Гольмстенъ далъ намъ въ своей работѣ. Но быть можетъ и нечего больше дать? Быть можетъ все исчерпано авторомъ, всѣ ресурсы познанія избраннаго имъ предмета? Источники наши такъ скудны, что никакія изысканія не восполнятъ пробѣлы изображенной здѣсь исторіи конкурснаго процесса въ Россіи?

Можно, натурально, при нѣкоторой смѣтливости, дать именно такой оборотъ дѣлу, что всегда найдется, на что или на кого возложить отвѣтственность за безрезультатность работы! Г. Гольмстенъ такъ именно и выражается на 1-й стр. своего сочиненія: нѣсколько статей Русской правды и Уложенія, десятокъ, другой указовъ... изъ этого матерьяла нѣтъ возможности создать что либо цѣлое: пришлось обратиться къ архивамъ... Вѣдь архивы, однако, ни ютой не восполнили и не могли восполнить недостатка легальнаго матерьяла, ибо *указовъ* не держали въ архивахъ и въ 18-омъ в. Съ другой стороны, чтобы опять устранить отъ себя упрекъ въ неполнотѣ, г. Гольмстенъ ставитъ такъ свою историческую задачу, какъ ее никто не ставить. Ему нуженъ конкурсъ, гдѣ непременно нѣсколько кредиторовъ, а не нѣсколько требованій, для осуществленія копѣхъ нѣтъ на лицо средствъ. Собственно онъ не ставитъ такъ за-

дачу, ибо тогда у него не оказалось бы ничего подходящаго даже и въ уставѣ 1800 г., ибо и тутъ нѣтъ непрѣмливой наличности нѣсколькихъ *кредиторовъ*. Г. Гольмстенъ хорошо знаетъ, что нѣсколько кредиторовъ нужны для извѣстнаго *хода* процесса о несостоятельности, а не для всего содержанія проектов и уставовъ о банкротствѣ, которые онъ переписываетъ въ своей книгѣ. Но эта произвольная точка зрѣнія вполне удобна для устранения упрековъ въ незнакомствѣ съ матеріаломъ, въ которомъ-де не говорится о многихъ кредиторахъ. Такъ естественно нельзя ставить задачъ изысканія, и тогда все сочиненіе г. Гольмстена, съ уставомъ 1800 г. включительно, расходуется съ его понятіемъ о конкурсѣ. Для той обширной системы понятій, для тѣхъ группъ юридическихъ нормъ, коими оперируетъ г. Гольмстенъ, есть масса неисчерпаннаго имъ матеріала, который не въ архивахъ скрытъ, а опубликованъ въ налей историко-юридической литературѣ и оставленъ вовсе не тронутымъ г. Гольмстеномъ.

Я постараюсь, конечно, хотя бы и не исчерпывая матеріала, такъ какъ это вышло бы вовсе изъ предѣловъ рецензіи, а доказывая только неполноту спеціальнаго изслѣдованія, дать здѣсь главнѣйшія указанія.

Кодификаторамъ прошлаго вѣка было мало извѣстно состояніе права, предшествующее Уложенію царя Алексѣя Михайловича. Въ наше время, особенно начиная трудами Неволлина, цивилистическія работы именно въ этой области становятся весьма обильными. Для исторіи процесса, кромѣ работъ Кавелина, Дмитріева, мы имѣемъ еще очень важныя и очень близко соприкасающіеся съ задачей г. Гольмстена труды Мейера, замѣтки и публикаціи профессора Буданова, г. Пихно и друг. Въ изученіи *исполнительнаго производства* вообще и по дѣламъ о несостоятельности въ особенности давно уже расчленены слѣдующіе важные моменты для исторической разработки *):

*) См. г-на Пихно, сочиненіе представленное на золотую медаль на тему, предложенную юридическимъ факультетомъ Университета св. Владиміра въ 74 году *по исторіи исполнительнаго процесса* и напечатанное тогда же въ Запискѣ означен. Университета. У г. Пихно до 40 стр. посвящено эпохѣ до Уложенія. Нашъ авторъ нашелъ бы здѣсь много полезнаго не только въ отношеніи матеріала, но и для правильнаго метода историческ. изслѣдованія. Работа студента Пихно указана профессоромъ Сергѣевичемъ въ его Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ.

- 1) лица, производящія взысканіе;
- 2) основаніе взысканія;
- 3) взысканіе безспорное;
- 4) мѣры взысканія въ искѣ вещномъ;
- 5) въ искѣ личномъ.

И по всей этой широкой программѣ вопросовъ, крайне важной для конкурснаго производства, русскіе памятники даютъ намъ весьма цѣнные указанія для эпохи до Уложенія.

Что даетъ намъ для этой эпохи г. Гольмстенъ?

Для Русской правды онъ требуетъ конкуренціи правъ нѣсколькихъ кредиторовъ, имущественныхъ средствъ удовлетворенія претензій этихъ кредиторовъ, извѣстнаго порядка ихъ удовлетворенія (это существенная черта для понятія конкурса), и натурально онъ этого не находитъ... Но вездѣ ли онъ этого ищетъ, и если не находитъ, то отвергаетъ всѣ иныя данныя? Нѣтъ. Въ XVIII в. онъ разсматриваетъ и суррогаты, и такіе органы, какихъ нѣтъ у насъ, а есть въ иностранныхъ уставахъ, и которые предполагаются лишь ко введенію у насъ, и свойство несостоятельности по различію ея причинъ, и карательныя послѣдствія банкротства. Этой криминальной стороной уставовъ и проектовъ занята очень значительная часть книги. Но когда рѣчь идетъ о Русской правдѣ, о 13 в., требованія г. Гольмстена очень ригорозны, и онъ знаетъ только ст. 69 Русской правды, гдѣ есть на лицо нѣсколько кредиторовъ. Въ 13 в., гдѣ могутъ быть найдены развѣ только корни или зародыши явленій послѣдующаго конкурснаго права, автору необходима наличность группъ кредиторовъ, имущественныхъ средствъ несостоятельнаго, а въ 18, особенно въ проектахъ, онъ находитъ характернымъ для конкурснаго процесса различеніе банкротства злостнаго, наказаніе кнутомъ, денежные штрафы (см. стр. 120 и слѣд.) и проч.. Такимъ образомъ для 13 вѣка остается даже неупомянутою ст. 68 Русской правды. А затѣмъ *въ исторіи конкурснаго процесса имѣется значительный пробѣлъ въ теченіи 4 вѣковъ* (4 стр.). Едва ли можно найти болѣе любопытную исторію развитія, — одна статья въ 13 вѣкѣ, а затѣмъ 4 вѣка пробѣлъ, послѣ чего въ 17 вѣкѣ опять одна статья, 210 гл. X Уложенія 1649 г.!

Неужели не злоупотребляя понятіями, можно называть та-

кое явленіе историческимъ развитіемъ? Шестъ вѣковъ, не вполнѣ истекшихъ, изъ нихъ 4 вѣка — пробѣль! Это даты скорѣе астрономическія, для появленія кометъ, а не для вопроса о порядкѣ взысканія долговъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и до той поры, когда г. Гольмстенъ открылъ въ бумагахъ Таможеннаго Департамента проекты конкурснаго взысканія и карательной системы по дѣламъ о банкротствѣ, были въ старой Россіи настоящія конкурсныя взысканія, при многихъ ли кредиторахъ, или при многихъ требованіяхъ, когда должникъ или его имущество не могло удовлетворить требованій, притомъ въ формахъ очень любопытныхъ, съ чертами совсѣмъ отличными отъ послѣдующаго собранія кредиторовъ, образованія массы, но достигавшихъ, въ иныхъ условіяхъ, той же цѣли, какой достигали и уставы иноземнаго происхожденія позже у насъ введенные.

Въ Русской правдѣ нѣтъ ни тѣхъ формъ имущественнаго взысканія, ни того конкурснаго производства, какое видимъ въ 17, въ 18 в. (стр. 3), но есть нѣчто иное для взысканій на случай несостоятельности, и объ этомъ иномъ порядкѣ знаетъ не только Русская правда, а цѣлый рядъ нашихъ старыхъ памятниковъ.

Исслѣдователи наши, на конхъ часто вовсе и не останавливается г. Гольмстенъ, указываютъ, что въ старину 1) при опредѣленіи несостоятельности обращали вниманіе на причины несостоятельности, 2) несчастные освобождались отъ принудительнаго взысканія, 3) добросовѣстные становились закупнями, 4) недобросовѣстные шли въ холопство. Вотъ гипотеза... Она имѣетъ свои основанія въ памятникахъ. Надо ее устранить или освѣтить вопросъ иначе; а не просто молчать. Къ тому же мѣры личныхъ взысканій не суть непременно противорѣчащія взысканію имущественному, а вынуждающія къ расцатѣ. И неужели все это не важно для исторіи развитія конкурснаго процесса? XII табл. знали свои мѣры личныхъ взысканій, и нѣтъ юриста, исслѣдующаго вопросъ о конкурсѣ въ римскомъ правѣ, который не остановился бы на этомъ явленіи, а искалъ бы для конкурса въ старыхъ памятникахъ массы, особыхъ органовъ и прочее.

Если г. Гольмстенъ ищетъ этихъ признаковъ и не хочетъ

видѣть конкурснаго производства тамъ, гдѣ есть только личные способы взысканія, ведущіе къ цѣли удовлетворенія, то онъ ищетъ не историческаго развитія конкурснаго процесса, а явленія опредѣленно уже развитаго производства, что не составляетъ задачи историка, а просто искателя любимыхъ формъ производства. Если я задамъ себѣ задачей прослѣдить исторію развитія верхнихъ конечностей человѣческаго тѣла (рукъ), то я не вправѣ ограничивать мои изысканія такимъ условіемъ, что де изученію моему, однако, подлежатъ руки только такого то сложенія, такой то опредѣлившейся формы, что бы онѣ входили, скажемъ, въ извѣстную перчатку, а иныхъ-де я и знать не хочу. Это не будетъ исторія развитія, а всего чаще исторія бесплодныхъ исканій для подтвержденія произвольныхъ гипотезъ.

Предшественники г. Гольмстена знаютъ, разумѣется, что такое процессъ историческаго развитія и не отказываются видѣть способы взысканія тамъ, гдѣ они не прямо обращены на имущества, а на лицо, гдѣ есть тюрьма, выдача головой, закупаничество.

Въ этихъ работахъ не безслѣдными остаются уговоры Новгородъ съ нѣмцами и Смоленска съ Ригой, гдѣ отмѣнено *личное задержание* какъ способъ взысканія (ср. Пихно стр. 418 и у Буданова соотвѣт. статьи договоровъ, особ. стр. 97), причемъ все равно, почему сажалось въ тюрьму, потому ли, что нѣтъ массы, или должникъ ея не выдаетъ, а скрываетъ, и это характерно для времени, для исторіи развитія именно (о чемъ столь много вѣрныхъ мыслей у Э. М. Дмитріева). Не пробѣль въ исторіи развитія конкурснаго процесса, а крайне важный моментъ будетъ обозначать собою образованіе *залоговыхъ формъ* кредита въ Псковской судной грамотѣ. Въ высокой степени важныя для исторіи конкурснаго процесса данныя видны въ грамотахъ вольныхъ городовъ тамъ, гдѣ яснѣе, чѣмъ въ Русской правдѣ, опредѣляется *участіе органовъ общественной власти* въ дѣлѣ взысканія, на что указываютъ предшествующіе изслѣдователи (Пихно, 546).

Не значить ничего въ глазахъ г. Гольмстена крайне измѣнившіяся, *по различію классовъ*, имущественныя отношенія въ Московскомъ государствѣ, причемъ рано стало выражаться

въ законѣ различіе лицъ, служилыхъ и не служилыхъ, *различіе имуществъ*, съ коихъ шло или имѣло бы идти взысканіе долговъ, совсѣмъ различное отношеніе власти по этимъ вопросамъ о правѣ частномъ, о несостоятельности, людей служилыхъ, тяглыхъ, а между тѣмъ памятника 16 вѣка наполнены важными данными по этимъ вопросамъ (см. Христ. Владимірскаго Буданова вып. 3, 75 г., стр. 3, память Царя и В. Кн. назначаемъ Ѳеодору Сукину да Хозяину Тютину 1555 г. Мая 5, о правехахъ и выдачѣ головой; стр. 18, 1558 г., о взысканіи по закладной, стр. 29, 1560 г., запрещеніе несостоятельнымъ поступать въ полное холопство къ кредиторамъ).

Одинъ изъ почтеннѣйшихъ русскихъ цивилистовъ, покойный Д. И. Мейеръ, изслѣдуя исторію русскаго залоговаго права, сдѣлалъ такое обобщеніе по вопросу о взыскомъ производствѣ: отвѣтственность по неисполненнымъ обязательствамъ падала въ древности *исключительно на лицо...* Законная отвѣтственность должника *имуществомъ* возникаетъ впрочемъ никакъ не позже начала XVII вѣка...

Въ древнемъ же быту вовсе не было имущества, на которое можно было отнести взысканіе; недвижимость обыкновенно принадлежала роду, семейству, движимое состояло изъ необходимѣйшихъ вещей. Г. Гольмстенъ не знаетъ ни Мейера, ни исторіи залоговаго права, хотя ему могло бы быть извѣстно что есть писатели, даже догматики, не только исторники, которые ставятъ конструкцію исполнительнаго производства вообще и по несостоятельности въ особенности въ тѣснѣйшую связь съ образованіемъ правъ на чужую вещь, какую мы имѣемъ при залогѣ. Подтверждая эту мысль, которую легко, при теперешнемъ состояніи источниковъ, развитъ далѣе, чѣмъ это дѣлаетъ Д. И. Мейеръ, профессоръ Будановъ прибавляетъ, что въ этомъ полнѣйшая противоположность Московскаго права Литовскому, гдѣ-де взысканіе шло главнымъ образомъ на имущество (Христ. 3 в., 75 г. стр. 4). Изъ начала XVII в., стало быть много ранѣе Уложенія, означенные писатели приводятъ памятники, на которые есть указанія въ П. С. З., гдѣ видно, что въ эту пору тяглые люди прибѣгали къ симулированнымъ залогамъ и несостоятельности для передачи тяглыхъ мѣстъ и дворовъ бѣломѣстцамъ, чѣмъ крайне обременяли от-

вѣтственную передъ казной общину (Будановъ стр. 131, 132, Указн. книга земск. приказа, болѣе чѣмъ за 30 лѣтъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича). Весьма недолго спустя, въ Росписи статейнаго списка п. 7 (у Буданова, тамъ же, стр. 138) читаемъ: а которые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди въ истцовыхъ кабалныхъ и безкабалныхъ искахъ по судебнымъ дѣламъ обвинены, стоятъ на праважѣ во 100 рублѣхъ и больше, а иные... меньше... годъ..., а исковъ не платятъ и у тѣхъ людей есть въ городѣхъ вотчины и животы... а у торговыхъ и посадскихъ дворы, животы и лавки и отъѣзжіе промыслы, а стоячи въ праважѣ... не платятъ... хотятъ отстояться, Государь (М. Ѳ.) и Государь святѣйшій Патріархъ указали быть по прежнему уложенію (предполагаютъ, что это прежнее Уложеніе относится къ 1555 г., Будановъ)—по которому дается извѣстная разсрочка въ платежѣ (мое сокращеніе); а роспись статейнаго списка продолжаетъ: истцы или отвѣтчики стоятъ на праважѣ мѣсяць, а откупиться имъ будетъ есть чѣмъ, и у тѣхъ истцовъ или отвѣтчиковъ велѣно цѣнить дворы и животы, и отдавать въ истцовъ искъ.

Неужели и это все пробѣлы и ничего не значущія для исторіи конкурснаго процесса данныя?

Далѣе, въ вопросѣ о томъ, что значить *выдача головой до искуна*, г. Гольмстенъ не высказываетъ своей мысли, хотя вопросъ и любопытенъ, и споренъ, и оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія столь любопытную судную грамоту Важскую и кн. Владиміра Андреевича крестьянамъ вохонской волости (стр. 559 тамъ же). Эта грамота опубликована въ Акт. Арх. Экспедиціи т. 1, № 234 и 257, отъ 1552 и 1556 годовъ. Порядокъ взысканія такъ ушелъ здѣсь далеко отъ старыхъ формъ, что это несомнѣнно могучій шагъ въ развитіи *соучастія государства* во взысканіи по частнымъ обязательствамъ. Объ этомъ ни слова во всей исторіи конкурснаго процесса.

Совершенно такой же пробѣлъ не въ исторіи развитія права, а у г. Гольмстена, мы находимъ по крайне важному и характерному предмету, именно по такъ называемымъ *полтннмъ грамотамъ*. Это предметъ, котораго постоянно касаются наиболѣе развитые проекты и уставы конкурснаго процесса и коего, несомнѣнно, коснулся бы и г. Гольмстенъ, еслибъ на-

шелъ напр. въ рукописи таможеннаго архива, а не въ памятникѣхъ отечественнаго права до Уложенія. Мы говоримъ объ извѣстной статьѣ 55-й Судебн. Ив. III, стало быть конца 15 вѣка, гдѣ проведено столь важное для выдачи головой и для опредѣленія мѣры взысканія съ должника различіе свойства его несостоятельности: а который купецъ идучи въ торговлю возметъ у кого деньги или товаръ, да на пути утеряетъ товаръ безхитростно, истонетъ, сгоритъ или рать возметъ, и бояринъ обыскавъ да велитъ діаку великаго князя дать полѣтную грамоту съ великаго князя печатью, платитъ ищцову истину безъ росту, а прощеть, безуміемъ погубитъ — и того выдать головой на продажу. Если не знать этой статьи, то какъ же узнать *смыслъ выдачи головой*? Какъ бы ни опредѣлялъ г. Гольмстенъ свое понятіе конкурснаго процесса — это различіе причинъ прекращенія платежей важно и при одномъ и тѣмъ болѣе при многихъ кредиторахъ. Его знаютъ не только матерьялы, найденные г. Гольмстеномъ въ архивахъ для исторіи кодификаціи; его знаютъ наиболѣе развитые современные конкурсные Уставы. Оно проходитъ отъ 68 ст. Русск. правды, черезъ 55-ю 1-го Суд. и 90-ю втораго, въ послѣднемъ съ низеслѣдующимъ любопытнымъ дополненіемъ: если полѣтная грамота дана въ разбойномъ дѣлѣ, то *при отысканіи ограбленнаго*, полѣтная грамота теряетъ свою силу. Полѣтныя грамоты имѣютъ еще иной смыслъ, отсрочки общей долговыхъ взысканій и сбавки процентовъ, — но это не есть характерное особенно для случаевъ прекращенія платежей по несостоятельности явленіе. Къ той же эпохѣ, когда возникъ 2-й Судебн., относится и указъ Ивана IV, въ коемъ изслѣдователи видятъ отмѣну рабства за долги (Будановъ, III вып., стр. 29). О любопытномъ дѣлѣ Елизара Роланта и Антона Томсона (Акты Археографич. комис. изд. Калачевымъ, № 104) г. Гольмстенъ вовсе не упоминаетъ.

Мы имѣемъ основаніе заключить, что нашъ изслѣдователь, не составивъ себѣ опредѣленнаго понятія объ особенностяхъ правоотношеній по имуществамъ въ древней Россіи, не могъ ничего сказать о порядкѣ взысканія въ случаяхъ несостоятельности не потому, чтобъ такой порядокъ не опредѣлился въ ту пору, а потому единственно, что ищеть въ памятникахъ

права не процесса развитія юридическаго явленія, который долженъ занимать изслѣдователя, а произвольныхъ признаковъ, которые онъ считаетъ за необходимые для одной эпохи хотя бы очень ранней, и на коихъ не останавливается въ другой, позднѣйшей.

Мы заключаемъ такимъ образомъ оцѣнку той эпохи, когда г. Гольмстенъ работалъ надъ памятниками *до Уложения*, т. е. надъ такими, которыхъ часто вовсе не имѣли въ виду позднѣйшіе практики, сводившіе обыкновенно свои легальные познанія къ этому обширному кодификаціонному акту.

Мы посмотримъ, что получается *для эпохи Уложения*.

Прежде чѣмъ перейти къ канцелярско-кодификаціонной струѣ, изъ коей, думается намъ, г. Гольмстенъ почерпнулъ всё свои силы, на стр. 5 авторъ въ 2-хъ словахъ сводитъ счеты съ національной струей. Собственно тутъ весь резервуаръ національнаго конкурснаго права, и онъ очень небольшой, всего одна статья, 210, гл. X Уложения Царя Алексѣя Михайловича, гдѣ, повидимому, повторено то, что сказано въ Русской Правдѣ. Въ этой единственной, притомъ ошибочно процитованной статьѣ, нѣтъ ничего къ конкурсу относящагося, а если судить по сопоставленію ея съ 69 ст. Русской Правды, то цитата должна быть отнесена не къ 210 ст., а къ 260... Это все, что нашель г. Гольмстенъ для несостоятельности въ національномъ резервуарѣ! — Поистинѣ поразительно! Мы сейчасъ увидимъ, что кодификаторы время Александръ I находили и указывали не 210 и не 260 ст., а цѣлый рядъ ихъ. Надо поразительное невниманіе къ дѣлу, если это не есть прямое незнаніе, чтобы не видѣть, что даже съ тѣмъ произвольнымъ признакомъ, которымъ опредѣляетъ несостоятельность г. Гольмстенъ, Уложение имѣетъ не одну статью, а многія. Возьмите напр. 204-ю, гдѣ должникъ, за котораго нѣтъ поручителей и которому окупиться нечѣмъ, отдается истцомъ (многимъ) до искупу, oprичъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. А на правезѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ бить до тѣхъ мѣстъ, пока мѣстъ съ должникомъ раздѣлаются. Статья 203-я частью повторяетъ, частью развиваетъ содержаніе извѣстныхъ намъ полѣтныхъ грамотъ „будеть кто кому долженъ по кабаламъ и проч., а заплатитъ ему будетъ того долгу *вскорь* не-

мощно, потому что *въ убожество* впалъ изволеніемъ божіимъ и проч. См. еще особенное положеніе о *долгъ для торгу* ст. 206. И это не одна глава X, а еще и другія, освѣщающія вопросъ. Возьмите напр. 20 гл. ст. 46, гдѣ указываются закономъ дѣйствія операціи скупа въ 'долгѣхъ съ правезу. Я не говорю о томъ, сколько можно было и слѣдовало извлечь изъ этого памятника данныхъ для различенія способовъ взысканія по различію принадлежности должника къ тому или другому чину или классу лицъ и сколько можно найти здѣсь данныхъ для различенія родовъ имуществва, важныхъ для того же взыскаго процесса.

Новоуказныхъ статей г. Гольмстенъ вовсе не касается, между тѣмъ ихъ цѣлые ряды, прямо относящихся сюда. Я приведу по номерамъ II. С. З. нѣкоторыя. № 497 говорить о предпочтеніи иноземныхъ долговъ русскимъ при конкурсѣ. № 546 указываетъ правезъ съ мѣщанъ, а головой не выдавать и дворовъ не закладывать. № 553 указываетъ правезъ мѣсяць за 100 рублей, сперва по казеннымъ взысканіямъ, послѣ правеза отбираются помѣстья и вотчины, дворы и животы, потомъ отдавать головой за иноземные долги, заживать иски, а когда заживуть — отдавать русскимъ въ заживь. Это въ 1673 году. Опять то же въ слѣдующемъ году—№ 579. Крайне характерна мѣра взысканія долговъ убитаго съ убійцы № 843. Въ случаѣ несостоятельности господъ брать съ мужиковъ ищцовы иски и пошрины; ссылка несостоятельнаго въ дальніе города № 1055. Я не говорю о безпрестанно встрѣчающихся мораторіяхъ, которыя такъ характерны для исторіи кредита и взыскаго дѣла въ эту пору. Есть указы регулирующіе отвѣтственность не только должника, но и его жены и дѣтей—№ 1285. Въ 1691 г., послѣ обилія однородныхъ положеній въ Уложеніи и въ послѣдующемъ законодательствѣ, подъ № 1398 видимъ нѣкоторый *сводъ указовъ* и регулировку случаевъ, когда обязательства отбываются должникомъ по особымъ соглашеніямъ съ кредиторомъ. Наконецъ, въ заключеніе 17 вѣка, въ 1700 г., указъ (№ 1805), въ коемъ опредѣлено удовлетвореніе имущественное *всѣмъ кредиторамъ несостоятельнаго по разверсткѣ*, причемъ въ источникъ удовлетворенія идутъ и промыслы, а если всего этого

не хватить на удовлетвореніе, тогда правезъ и обыкновенные способы воздѣйствія ото всѣхъ обще, а буде не доправятъ — ссылка въ Азовъ. Указъ предполагаетъ раскрытіе такъ называемыхъ *подставныхъ писемъ*, за что усиливается наказаніе. Наконецъ, здѣсь же указана возможность одному изъ истцовъ выкупить должника у остальныхъ.

Этотъ замѣчательный указъ приводитъ Невольинъ (Исторія Росс. Гр. Зак., ч. III, стр. 136), въ заключительной его частн. Заѣмъ, учиненный во вредъ конкурсу, подложно, есть только особенный видъ безденежнаго займа. Въ 1700 г. велѣно людямъ, принявшихъ *подставою* заемное обязательство отъ несостоятельныхъ, для освобожденія ихъ отъ взыска со стороны тѣхъ коимъ они дѣйствительно должны, подвергать наказанію кнудомъ и ссылатъ на вѣчную каторгу. Позже этотъ указъ часто цитируется нашими историками. Вотъ онъ цѣликомъ: „кто изъ русскихъ и иноземцевъ всякихъ чиновъ люди на русскихъ же и иноземцахъ всякихъ чиновъ учнутъ исковъ своихъ искать, многіе на одномъ заимщикѣ, а тотъ заимщикъ вскорѣ добровольно не заплатитъ, а у него заимщика взять есть что, дворъ, животы и промыслы, и положиа то все въ цѣну, раздѣлить истцамъ, кому онъ долженъ, всѣмъ по разверткѣ, сколько на чей долгъ по расчету имѣется; а чего въ платежъ имъ не достанетъ, въ томъ иску бити заемщика на правезѣхъ нецадно, ото всѣхъ же истцовъ обще; а буде съ того правезу платить не станеть и его бити кнудомъ и сослатъ въ Азовъ на каторгу на три года... А которые истцы похотять того заимщика отъ иныхъ истцовъ ото всѣхъ долговъ окупить, а того заимщика со всѣми животы отдать тому кто его отъ всѣхъ долговъ окупить“. Пихно справедливо находить въ этомъ указѣ все: и конкурсное дѣленіе имущества, и сѣченіе, и ссылку, и выдачу головой окупщику. Тутъ все это смѣшано, вмѣсто замѣны одного другимъ, а замѣна выдачи головой ссылкой наступаетъ лишь въ 701 году. Любопытно, что стараго дѣленія несостоятельности на неосторожную, злостную,—нѣтъ въ указѣ.

Итакъ, вотъ какой этотъ указъ 1700 года. Что въ немъ находить г. Гольмстенъ?.. Къ сожалѣнію, ничего, такъ какъ и самый законъ, совершенно необъяснимымъ образомъ, остался ему неизвѣстенъ... Между тѣмъ онъ упоминается и въ другихъ

актахъ Петровскаго царствованія, въ 1714 г., а въ 1718 отмѣняется правезъ! Ни одинаго изъ этихъ крайне важныхъ и характерныхъ законовъ Петровской эпохи не знаетъ г. Гольмстенъ, и я ровно ничѣмъ не могу себѣ объяснить это незнаніе. Быть можетъ наилучшимъ объясненіемъ было бы такое. Эти указы замѣнялись одинъ другимъ и позже не цитировались *кодификаторами* какъ потерявшіе силу. Такимъ образомъ, они должны быть извѣстны тѣмъ русскимъ ученымъ и писателямъ, которые знаютъ Полное Собраніе Законовъ, и могутъ быть неизвѣстны тому, кто съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ незнакомъ, и кто заимствуетъ свои ссылки и указанія на прошлое законодательство изъ работъ послѣдующихъ комиссій, которыя не имѣли резона цитировать отмѣненныхъ законовъ, а Полнаго Собранія Законовъ не знали, потому что его тогда не было. Но въ этомъ ли причина изумительнаго факта я не знаю, и собираю здѣсь не только источники, безъ коихъ нѣтъ исторіи развитія конкурснаго права, но и указанія современныхъ изслѣдователей... для правильной оцѣнки труда г. Гольмстена.

Въ послѣдующихъ главахъ, конкурсы XVIII в. и суррогаты конкурснаго процесса, мы находимъ для исторіи развитія крайне скудныя данныя. Я не знаю, какъ работалъ надъ этой эпохой г. Гольмстенъ, далъ ли онъ себѣ трудъ пересмотрѣть весь матеріалъ Полнаго Собранія Законовъ, или не рассчитывая тамъ ничего открыть, онъ бралъ ссылки послѣдующихъ указовъ на предшествующіе и передавалъ коротко содержаніе этихъ указовъ. Въ Полномъ Собраніи не разъ встрѣчаются указанія на обязательность *купеческаго обычая*, много разъ поставляется въ обязанность извѣстнымъ установленіямъ *знать иноземные конкурсные уставы*. Соотвѣтствующихъ номеровъ Полнаго Собранія Законовъ г. Гольмстенъ не показываетъ. Ссылки дѣлаются на нѣкоторые указы (ихъ очень мало) и на процессы.

Существуютъ на русскомъ языкѣ двѣ книги, задолго предшествующія появленію работы г. Гольмстена и носящія такой же характеръ сборниковъ, но только легальныхъ, а не проектовъ, и не названныхъ авторомъ „Исторіи русскаго конкурснаго процесса“. Это книга Дильтея „*Начальныя основанія вексельнаго права*“, а особливо Россійскаго купно со Швѣц-

кимъ, съ прибавленіемъ разныхъ російскихъ указовъ и съ 2-мя диссертаціями, 1772 г.“; 2-я изъ этихъ диссертацій прямо озаглавлена „о конкурсѣ кредиторовъ вексельныхъ и пр.“. Въ обзорѣннѣ указовъ и процессовъ прошлаго вѣка Дильтей приводитъ все, что было практически важно для руководства по дѣламъ этого рода до 1772 г. Тутъ, и въ книгѣ Томина, о которой сейчасъ скажемъ, читатель, между прочимъ, найдетъ нѣсколько случаевъ учрежденія *опекъ на правъ кураторскомъ* по поводу мотовства и несправности платежей лицъ высшаго класса, которыя, мнѣ думается, скорѣе могли бы быть названы суррогатами конкурснаго процесса, чѣмъ тѣ случаи кои подъ эти, впрочемъ совершенно неюридическія понятія, подводитъ г. Гольмстенъ. Тоже слѣдуетъ сказать о другой книгѣ, составленной въ 1826 году *В. Томинымъ*. Это частное *собраніе узаконеній о векселяхъ, банкротствъ и прочее*, заключающее въ себѣ все движеніе законодательства и руководящей практики за прошлое столѣтіе и за текущее, стало быть движеніе законодательства и практики до и послѣ Банкротскаго Устава 1800, перваго обширнаго законодательнаго акта по этой матеріи, тоже здѣсь напечатаннаго, но текстуально, а не въ экстрактѣ, какъ у г. Гольмстена.

Пользовался ли г. Гольмстенъ работами Дильтея и Томина — я не знаю, такъ какъ г. Гольмстенъ не дѣлаетъ ни на ту, ни на другую никакихъ указаній. Но я могу сказать, что если бы онъ пользовался хотя бы не прямыми источниками, Полнымъ Собраніемъ Законовъ, а только этими посредствующими работами, то и тогда его книга выиграла бы въ полнотѣ и обстоятельности. Я буду имѣть случай доказать это въ заключеніи.

Я перехожу къ оцѣнкѣ другой части книги, наибольшей по объему (23—292) и наименѣе соотвѣтствующей задачѣ автора — раскрыть намъ исторію конкурснаго процесса въ Россіи. Это сборникъ экстрактовъ, который заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно неодинаковыя, въ смыслѣ новизны публикаціи, части. Тутъ собраны и изложены вкратцѣ всѣмъ хорошо извѣстные конкурсные уставы 1740 (безъ примѣненія), 1800, 1832 г.

Если бы меня спросили, имѣетъ ли какую либо цѣну для науки изложеніе одного за другимъ этихъ 3-хъ памятниковъ,

которые опубликованы in extenso въ Полномъ Собраніи Законовъ, я отвѣчу — рѣшительно никакого. Я никогда не буду пользоваться экстрактами (мы укажемъ еще сейчасъ, какого свойства), если имѣю подъ рукою напечатанный текстъ, развѣ бы это было для цѣлей не научныхъ, а напр. для экзамена.

Изъ разсужденій автора по поводу этихъ эксцерптовъ нѣкоторые очень характерны, и я считаю долгомъ обратить на нихъ вниманіе факультета.

Банкротскій уставъ 1800 г. не признаетъ существеннымъ стеченіе *нѣсколькихъ кредиторовъ* для открытія конкурснаго производства. Г. Гольмстенъ безъ этого признака не принимаетъ наличности понятія конкурса. Какъ же быть? Во введеніи г. Гольмстенъ утверждалъ, что онъ стоитъ на строго-юридической почвѣ.

Вотъ, однако, эта почва. Законъ выбросилъ требованіе проекта 68 г. *нѣсколькихъ кредиторовъ* для наличности конкурса. Нашъ авторъ, однако, думаетъ, что это требованіе можетъ быть выведено *изъ существа конкурснаго процесса*. Если бы г. Гольмстенъ былъ знакомъ съ иностранными уставами, коихъ рецепцію онъ намъ здѣсь передаетъ, то онъ зналъ бы, что французское право и юриспруденція настойчиво отвергали существенное значеніе наличности *нѣсколькихъ кредиторовъ*, а не требованій, не только для начала, но и для продолженія конкурснаго производства. Тогда, стоя на юридической почвѣ, мы спросимъ, не можно ли, а должно ли объявлять существеннымъ для конкурснаго процесса, особенно въ раннихъ его формахъ, такія требованія, которыя отвергаетъ юриспруденція и на весьма высокихъ ступеняхъ ея развитія?

Мы идемъ къ новоотпечатаннымъ вещамъ этого сборника. Здѣсь суть дѣла въ Росписномъ уставѣ. Онъ дѣлится на три графы, 1-я уставъ 53 года, 2-я проектъ 63, 3-я мотивы. Мы знаемъ этотъ типъ работъ. Онъ постоянно повторяется въ нашей законодательной практикѣ и даетъ большую обозрительность работъ. Это вовсе не требованіе только удобства пользованія, — это существенное условіе пользованія. Если въ разработкѣ проектовъ указаны принципы, видно строеніе этихъ началъ, на основахъ практическаго права римскаго, статутовъ новаго происхожденія, того или другаго типа, — тогда воз-

можно излагать нѣсколько плановъ, отдавая одному, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, преимущество передъ другимъ. Когда, наоборотъ, вамъ даютъ *только статьи*, одну за другой, то какъ же ихъ сличать, если онѣ не изображены сноптически? *)

Все, что производить г. Гольмстенъ съ этимъ Росписнымъ уставомъ, состоитъ въ томъ, что онъ своими словами изъ одной графы образуетъ одну главу своего текста, уставъ 53 г., который есть немного измѣненный уставъ 40 г., изъ другой графы другую главу, уставъ 63 года, а любопытные „резоны“ измѣненія, составляющіе 3-ю графу Росписнаго устава, объявляетъ крайне небрежно составленными (стр. 90).

Объ этой части труда г. Гольмстена я долженъ сказать, что г. Гольмстенъ нашелъ нѣкоторые проекты законовъ для конкурса, разработанные частью сноптически, трудолюбіемъ старыхъ нашихъ канцелярій, и представляющіе собою переработку иностранныхъ конкурсныхъ уставовъ, которые всѣ наперечетъ извѣстны въ наукѣ, и которыхъ, однако, нашъ авторъ вовсе намъ не показалъ быть можетъ потому, что онъ ихъ не знаетъ. Въмѣсто того чтобы издать эти памятники, если онъ находилъ ихъ цѣнными, авторъ привелъ ихъ въ неудобный для пользованія видъ и сообщилъ публикѣ *сборникъ экстрактовъ*

*) Въ высшей степени удобную графику мы имѣемъ въ опубликованномъ покойнымъ Калачевымъ томѣ 4-мъ Арх. Государственнаго Совѣта (1810—1825), Журналы Департамента Законовъ ч. 1, указанномъ въ Исторіи кодификаціи г. Пахмана, изд. въ 74 году. Здѣсь г. Гольмстенъ, если бы ставилъ себѣ серьезно задачу изученія хотя только исторіи нашихъ законопроектовъ, нашелъ бы прямо относящіяся къ его темѣ не одинъ, а два проекта. Для образца старыхъ графическихъ канцелярскихъ работъ тутъ же можно проглядѣть напр. таблицу VIII. Въ ней гр. 1 изображаетъ понятіе и признаки преступнаго дѣянія, гр. 2—проектъ измѣненія, гр. 3—существующіе законы о банкротствѣ, § 574 проекта говоритъ о ложномъ и умышленномъ банкротствѣ, § 575—о несостоятельности поручителя, который скрылъ свое имущество. Это 1-я графа; 2-я графа показываетъ взмѣканіе—удовлетвореніе кредиторовъ и лишеніе виновныхъ всѣхъ правъ 2-й степени; графа 3-я—старья средства взыскаія долговъ, пражежь, продажу всего имѣнія, отдачу головой до искупа. Тутъ же показаны источники: Уложеніе гл. X §§ 203—206, 261 и слѣд., 269, гл. 20 § 39 и 40. Приведенные нами выше указы Петра Великаго опущены. Затѣмъ приведены указы 1722 года, сентября 18, 1736 г. іюля 19, 1763 августа 9; дворяне подлежатъ за банкротство наказанію, какъ за живые поступки, а для торговыхъ людей и т. д. сдѣланы ссылки на Банкротскій Уставъ.

мало способный возбудить интересъ къ ихъ дальнѣйшему изученію, такъ какъ подлинники явно были весьма далеки отъ жизни, а самый сборникъ экстрактовъ далеко отъ подлинниковъ. Немудрая, вѣроятно, нужна была юриспруденція, чтобы составлять по иноземнымъ образцамъ эти вѣчно неудававшіеся проекты, которыхъ мы впрочемъ вполне не знаемъ, и ужь положительно не требуется никакой учености, чтобы сдѣлать изъ этихъ проектовъ экстрактъ и собрать въ порядкѣ времени. Это чисто работа референдарія, простаго докладчика, а не ученаго юриста и историка.

Намъ остается сказать о единственномъ уставѣ, 1800 г., который, въ предѣлахъ избранной авторомъ эпохи, сталъ предметомъ практическаго приложенія и можетъ быть изучаемъ въ этомъ смыслѣ.

Какому изученію подвергаетъ его авторъ?

Вмѣсто того, чтобы поставить себѣ задачей, сколько возможно прослѣдить примѣнимость и примѣненіе этого обширнаго законодательнаго акта на практикѣ, г. Гольмстенъ спокойно пересчитываетъ указы, идущіе съ 801 до 32 года, предметъ коихъ касается устава. Это сдѣлать совсѣмъ не хитро при тѣхъ указаніяхъ и ссылкахъ, коими сопровождаются официальные изданія дѣйствующаго свода, но за то это вѣдь и не имѣетъ никакой цѣны.

Что касается *полноты* этихъ выписокъ, то о ней можно составить себѣ понятіе, сопоставивъ 9 стр. текста у г. Гольмстена со 175 стр. совсѣмъ другаго формата текста Омина, доведеннаго послѣднимъ только до 25-го года, правда, не по одной исторіи банкротства, а и по нѣкоторымъ видамъ долговыхъ актовъ. Сопоставленіе все же сдѣлать нетрудно и бесполезно.

Въ числѣ нововведеній послѣ 1800 г. г. Гольмстенъ отмѣчаетъ законъ 14 мая 1832 года, коимъ къ прежнимъ конкурснымъ судамъ прибавлены, по словамъ автора, суды коммерческіе, вѣдающіе дѣла о несостоятельности... (стр. 250). Но къ прежнимъ конкурснымъ судамъ, т. е. къ судамъ, кои вѣдаютъ банкротство по уставу 800 г., прибавлены коммерческіе суды не съ 32 года, а много ранѣе. Таковъ коммерческій судъ для Одессы учрежденный 10 марта 1808 года (П. С.

З. № 22886), таковъ коммерческій судъ въ Таганрогѣ, учрежденный нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Одесскаго (№ 23018), много позже, въ 1819 году, въ Ренин для Бессарабской области (№ 27750, не введенъ), въ томъ же году въ Феодосіи (№ 27957).

Пусть это не будетъ дѣломъ большой важности, но при этомъ не должно говорить, что тутъ *вся дополненія и измѣненія устава 800 г. до 32 г.* (стр. 258).

Рядомъ съ этимъ шла крайне характерная борьба торговаго класса противъ примѣненія устава во всей его силѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ тайна сочиненія *новыхъ проектовъ прежде чѣмъ прошло полтора десятка лѣтъ* Банкротскому уставу, почему онъ продержался такъ недолго и уступилъ мѣсто уставу 32 года? Вѣдь на это долженъ дать отвѣтъ историкъ. Читатель не найдетъ у г. Гольмстена никакого отвѣта.

Движеніе противъ стѣснительныхъ требованій веденія торговаго дѣла, особенно противъ развитія письменности, идетъ у насъ весь 18 в. Богатыхъ матерьяловъ Екатерининской Комисіи я не касаюсь здѣсь вовсе, ибо въ факультетѣ есть лица, много ближе меня знающія это дѣло и, наконецъ, рецензія слишкомъ пространна.

Уже въ 1816 году Министръ Финансовъ представлялъ о неудобствахъ, встрѣченныхъ въ примѣненіи § 140 и слѣд.— Банкротскаго устава, по коимъ *неведующій книгъ торговецъ былъ признаваемъ* въ случаѣ несостоятельности за *неосторожнаго* со всѣми тяжкими послѣдствіями этого осужденія. Книгъ было предположено вести много, и книги велѣно вести на гербовой бумагѣ, способъ приобрѣтенія которой сначала былъ сверхъ того весьма стѣснительный. Оттуда сопротивленіе. Въ 1813 г. поступило сбора всего 79 тыс. и то преимущественно съ Петербургской и Лифляндской губерній. Въ Нижегородской губерніи купцовъ числилось 1353 человекъ, съ объявленнымъ капиталомъ до 2 миліоновъ 700 р., а установленныхъ книгъ купеческихъ не было представлено въ Палату ни одной. Велѣно наблюдать, штрафовать пенями. Изъ послѣдующихъ докладовъ Министра Финансовъ и мѣропріятій Правительства ясно, что многіе торговцы предъявили книги за 1812 годъ, а за 1813, 14, 15 не представили, и по сей причинѣ, на осно-

ваніи положенія 11 Февраля 12-го года, преданы суду. Доходы, однако, продолжали поступать туго. Найдено было, что это происходит отъ неопредѣлительности правилъ. Дали правила дополнителныя. Очевидно, что по старымъ правиламъ пришлось бы отдать подъ судъ все російское купечество. По новымъ правиламъ 21-года повелѣно не предавать торговцевъ суду согласно положенію 11 Февраля 1812 г., а взыскивать только деньги, а затѣмъ упуцденія сдѣланныя въ 1813 и 1814 гг. простить. Въ 24 году, по журналу Комитета Министровъ отъ 22 Генваря и 26 Февраля 24 года, опредѣлено за непредставленіе книгъ торговцевъ не предавать суду, а начатыя дѣла прекратить, на что испросить Высочайшее соизволеніе, какое и воспослѣдовало 26 Февраля 24 года (ср. у Омина стр. 343 и слѣдующія).

Итакъ, есть вполнѣ живыя черты въ исторіи развитія нашихъ законовъ о несостоятельности. Нѣкоторыя попытки законодательной регламентаціи предприняты были весьма задолго, еще Петромъ Великимъ, а затѣмъ еще въ большихъ размѣрахъ въ 1800 г.

Конечно не эти однѣ живыя черты могутъ быть извлечены изъ памятниконъ нашего законодательства за текущее, какъ и за предшествующія столѣтія. Но все это только для того кто серьезно ставитъ себѣ задачей прослѣдить исторію развитія конкурснаго права въ Россіи.

Кромѣ сдѣланныхъ указаній, каковыхъ можно привести еще массу, руководясь Полнымъ Собраніемъ Законовъ и Сборникомъ Омина, авторъ нашель бы для 20-хъ годовъ текущаго столѣтія рядъ очень важныхъ разьясненій для практики конкурснаго процесса въ изданномъ Калачевымъ Архивѣ Государственнаго Совѣта, т. IV, ч. 2. Автору и это изданіе осталось совершенно неизвѣстнымъ.

Изъ сдѣланнаго мною отчета и оцѣнки диссертациі г. Гольмстена вытекаеть:

1) что означенное сочиненіе представляетъ собою сплошную передачу въ самой неудобной формѣ сыраго матерьяла канцелярскихъ попытокъ прошлаго вѣка замѣнить чужими, плохо изученными, образцами зародыши своихъ институтонъ конкурснаго процесса, чѣмъ и наполнено болѣе $\frac{2}{3}$ книги;

2) что авторъ не только не перечерпываетъ памятниковъ юридическаго быта, способныхъ нынѣ много лучше освѣтить исторію конкурса, чѣмъ это было возможно въ прошломъ вѣкѣ, но не знаетъ и не пользуется даже такими историческими данными, которыми пользовались въ законодательныхъ комписіяхъ прошлаго и текущаго столѣтія;

3) что держась на точкѣ зрѣнія совершенно несоотвѣтствующей обилію новооткрытыхъ историческихъ матеріаловъ, авторъ обнаруживаетъ незнакомство не только съ главнѣйшими памятниками права до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, но и съ самимъ этимъ Уложеніемъ, съ новоуказными статьями, съ Петровской законодательной эпохой, въ самыхъ крупныхъ ея актахъ, и съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ даже за текущее столѣтіе;

4) что сочиненіе это свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи научнаго метода для историческихъ изысканій, безъ чего много вниманія автора проходить такія явленія развитія права, которыхъ не можетъ не замѣтить историкъ;

5) что сочиненіе г. Гольмстена страдаетъ недостаточностью юридическаго анализа и крайней неточностью, вѣрнѣе, произволомъ юридической терминологіи, не допускаемымъ въ научной работѣ цивилиста;

6) что авторъ не обнаруживаетъ достаточнаго знакомства съ русской юридической литературой въ вопросахъ, частью прямо относящихся къ его темѣ, частью ближайшимъ образомъ съ нею связанныхъ

7) и что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явно заимствование законопроектвъ изъ иностранныхъ подлинниковъ, авторъ не даетъ себѣ труда опредѣлить источникъ такихъ заимствованій.

По этимъ основаніямъ, и въ виду отсутствія какихъ бы то ни было научныхъ или практическихъ достоинствъ работы для гражданскаго права, имѣю честь доложить юридическому факультету, что рассмотрѣнное мною, по порученію факультета, сочиненіе г. Гольмстена не заслуживаетъ удостоенія его автора ученой степени доктора гражданскаго права.

Ординарный профессоръ *Н. Дювернуа*.

